

ВИРТУАЛЬНО-БЫТИЙНЫЙ АНТИ-МИР ДЕДОВЩИНЫ*

Я.В. ЧЕСНОВ

Корпоративный изоляционизм

История дедовщины насчитывает не несколько десятилетий и даже столетий, а уходит к корням истории человеческого общества. Я применил метафору «корней» не в смысле эволюционного истока, дожившего до наших дней в виде неких пережитков. Речь пойдет о структурах сознания, появляющихся спонтанно в закрытых сообществах и присущих нам самим, всем современникам. Но некоторые специалисты по первобытности увидели в институтах закрытого криминального сообщества прямые параллели с мужскими союзами древности и подобной архаикой¹. Мнение крупнейшего специалиста по этнологии архаических народов В.Р. Кабо, сидевшего в 1949 – 1954 гг. по политической статье, по всем таким сюжетам было более осторожным. Он был склонен видеть причины в архетипичных структурах сознания². Наиболее взвешенным мнением в той дискуссии было высказано фольклористом Г.А. Левинтоном. Им была отвергнута первобытная гипотеза Самойлова. Указана любопытная связь этики закрытых сообществ с бурсацкой этикой, где преследовалось ябедничество. И, главное, показано сходство статусных ролей в современных закрытых сообществах не с реальной первобытной инициацией, где *насилие самоцель*, а со сказочной инициацией-испытанием³.

Разделяя это мнение, отметим, что через сказочные сюжеты у всех народов подрастающие поколения проходят курс *виртуальной педагогики*. Ее действенность в том, что она конкретно направлена на корпоративное сообщество детей определенного возраста.

Важнейшая универсалия человеческого общества – корпоративный изоляционизм. В знаменитой клятве Гип-

---

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Философско-антропологический анализ самоорганизации неформальных структур власти в закрытых коллективах (на примере дедовщины)», грант № 08-03-00590а.

пократа принцип «не навреди больному» стоит вовсе не на первом месте. Ему предшествует заявление о корпоративной верности своему учителю. Любое современное клубное общество лишь внешне близко древнейшему институту тайного мужского союза, который оформлялся испытаниями, клятвами и прочими ритуалами, чтобы служить инструментом насилия над непосвященными и женщинами. В конце концов, верность сообществу не обязательно надо трактовать как верность неким корыстным интересам, а как выражение антропологической доминанты сознания — потребности проявлять *сотрудничество и кариативность (заботливость)*.

Именно эти качества всегда воспитывались в подрастающих поколениях. Вот почему вовсе не случайны слова первого директора кадетского корпуса генерал-майора Перского (изложенные Н.С. Лесковым по воспоминаниям воспитанника корпуса, услышанные им в 12-летнем возрасте): «Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказывает нам начальство. Главное: вы знаете самих себя и никогда не пересказывайте начальству о каких-либо шалостях своих товарищей. В этом случае вас уже никто не спасет от беды»⁴. Слова генерал-майора носят открыто воспитательный характер, направленный на развитие человеческого потенциала воспитанников, чувства их собственного достоинства. Отметим, что эти воспитательные меры учитывают фактор возрастной когорты, *возрастного состояния человеческой телесности*.

Петербургский антрополог Т.Б. Щепанская, посвятившая многие годы изучению современных молодежных движений, сделала важные для нашей темы наблюдения. Она отметила, что публичные выражения телесного облика молодежи происходят через демонстрацию размещения индивидов в социальном пространстве. Я бы добавил, что это акцентирование тела связано социальной неудовлетворенности. Да и сама Щепанская отмечает, что всевозможные маркировки тела у хиппующей молодежи — это знак не-принадлежности к социуму. На другом полюсе молодежной культуры у молодежи, занимающейся бодибилдингом, наращивание массы мускулов — это тоже демонстративный выход из общества⁵.

Но эти замечания скорее социологичны, чем антропологичны. Виртуальная антропология позволяет нам продви-

нуться дальше. Ведь тело выступает накопителем смыслов, которые вряд ли имеют пределы, ибо тело — обладатель протяженности, а последняя — предикат вечности. Нет границ у гистологического тела, у тела-ДНК, у культуругенного тела, обладающего ресурсами Вселенной. Но это бесконечное тело одновременно конечно — тривиально было бы напоминать о смерти. В жизни маркировкой конечного тела является испытание, которое по инверсии становится жизнью, как в армии.

Казарма

Вернемся в казарму. И начнем с самого видного и многозначного маркера тела веннослужащего: волос. *Дух* — новобранец коротко подстрижен. Но вот мы видим в строю в самом конце рядов солдат в чистой хорошо подогнанной форме, идущих вальжно. Это *деды*. У них отпущены волосы. Сколько лет этому обычаю? Еще в древнем Египте жрецы, общавшиеся с миром мертвых, стригли волосы наголо. *Дух* — и есть дух, он как бы не телесен, он еще не живой. В моем городе парни, занимающиеся в автошколе, до получения прав ходят коротко подстриженными. В других ситуациях и субкультурах зарок не стричься продляется до завершения дела. Древнеримский историк Тацит отмечает, что древнегерманское племя хаттов не стригло голов и бород, пока эти воины не убивали врага⁶.

Итак, одежда у духов расхлябанная, изношенная. Зато у дедов все по форме, разве что ремень, по возможности из натуральной кожи, застегнут свободно. У некоторых из них замечаем, что каблуки сапог наращены (кстати, так же, как и у воров в законе в лагере). Т.е. тело этих господ наращено, увеличено.

О возрастающей телесности говорят и посвятельные армейские обряды. Вот солдатам младших статусов в обряде наносят столько сильных ударов ремнем, столько, сколько месяцев им осталось служить. Посвящаемые должны сносить это молча. Но вот когда происходит посвящение дедов (из предшествующего статуса «*котлов*», хотя названия могут быть другими), то «удары» делаются ниткой. Причем посвящаемый должен громко кричать, будто от боли. Телесность опять же возрастает.

Похоже на театрализацию? Конечно. И более того, можно говорить о самом настоящем *трикстерстве дедов и дембелей*, срок службы которых закончился. Фигура дембеля часто выглядит комично. Новая фуражка, новый ремень на стареньком кителе, но с пуговицами начищенными, как и бляха ремня, до блеска. Из-под кителя выглядывает продранный тельняшка. На ногах джентльмена видны старые, даже рваные кеды. Именно таких персонажей я наблюдал в Чечне, в войну 1995 – 1996 гг. Иногда у этих элитных старослужащих на шее в качестве шарфика болталось замусоленное вафельное полотенце.

Назовем еще моменты из казарменной жизни дедов. Это жанр колыбельной деду, которую в отсутствии офицеров перед сном исполняет дух, стоящий на тумбочке или на друг на друга поставленных табуретах, или в другом неудобном месте.

В исследованиях военных социологов уже было отмечено, что в поведении дедов в отношении младших возрастов видно явное пародирование первыми довольно резкого служебного противопоставления в офицерском составе⁷. Деды явно пародируют власть, ставя на ее место телесность и физическое насилие. Это явный *анти-мир*.

Мы отметили нарастание телесности от бестелесного духа до деда и дембеля. Но ниже духов в армейской солдатской среде считаются еще не принявшие присягу. Их вообще называют «*запахами*». Примечательно, что синонимами термина «дух» кое-где в мотострелковых войсках выступает «*чижик*», во внутренних войсках – «*щегол*». Птичья маркировка снова указывает на бесплотность духов, они «парят» в эфире. Но в то же время не принявших присягу кое-где называют еще «*слонами*», или «*мамонтами*». Это обозначение в силу массивности этих животных, говоря научно, в силу их хтонизма - принадлежности к глубинным слоям земли. То есть, это духи, еще не вышедшие на поверхность человеческого бытия. Как тут не вспомнить концепцию М. Хайдеггера о судьбе человека как вспучивании земли или о складке на ней в языке французских постмодернистов.

В этом движении снизу вверх человек, по Бл. Августину, выходит из самого себя к Богу. Здесь он одинок. И одиночество испытывают солдаты в казарме. Они изолированы не

только от общества, о чем говорят социологи, наблюдающие феномен неуставных отношений в армии. Они отделены от более высоких иерархических инстанций. Поэтому нужно согласиться с автором одного из самых глубоких исследователей проблемы В.В. Ивановым, который счел, что вся армейская система пронизана только горизонтальными связями при отсутствии Буберовских связей по линии «Я – ты»⁸.

Мир вещный и мир вечный

Не надо принижать реальный человеческий потенциал солдат, в котором сосредоточена доминирующая потребность в сотрудничестве. Оно не идеология, а базовая потребность, выражающаяся, например, в кариативности, направленной на немощных: детей и стариков. Сотрудничество, кариативность, дружбу, товарищество и подобные мотивации нельзя отнести ни к морали и ни к праву. Это базовая ценность, фундамент *биоэтики*, без чего не было бы человечества.

В научной и особенно в публицистической литературе преувеличено значение власти-насилия в ущерб исконно человеческим отношениям сотрудничества и толерантности. Активно обсуждается модель архаики, построенной, якобы, на насилии. Эта модель часто переносится на внутриармейскую ситуацию. Но для архаики свойственны скорее отношения сотрудничества. Они порождают кариативность, самопожертвование, взаимопомощь. В более поздних архаических системах вроде русского обычного права у крестьян взаимопомощь выступает на первый план⁹. Сотрудничество – вовсе не некая идеология, а человеческая необходимость, *антропологическая доминанта*, развиваемая через воспитание и жизненный опыт.

Эта асимметричная по природе доминанта имеет направленность, ориентированную на вещный мир человека. Для классической первобытности доминанта проявляется сферой табуитета (по терминологии Ю.И. Семенова)¹⁰, опасения нанести вред. Но это лишь историческая стадия антропологической доминанты, порожденной эмоционально-волевым полем, покрывающим природный мир вещей. Волевым освоением мира индивидом, которое развивается в ходе социогенеза, я предлагаю рассматривать в качестве *антро-*

*поценоза*¹¹. Внутри антропоценоза складывается та или иная ментальность — исторически устойчивый склад автономной личности, ценности которой направлены на общество и природную среду. Через нарушенные антропоценоз и ментальность можно понять глубинные структуры феномена дедовщины. Отметим наиболее важные моменты.

1. В современности мы наблюдаем «исчезновение» смерти и соответственную утрату общезначимости ритуалов смерти. Она попала в сферу культурной идеологии и догматики, которые теперь воспринимаются с недоверием. Потерян статус истинности смерти. Нарушена *онтологическая цепочка жизни*: рождение — жизнь — смерть. Крайние полюса цепочки симметричны и составляют в нормальном состоянии *трилеммическое участие предков в жизни потомков* (по терминологии Г.П. Юрьева)¹². Это *тернерные системы* у позднего Ю.М. Лотмана.

2. В христианской традиции разработана тема жизни и смерти, т.е. правая сторона *онтологической цепочки*. Жизнь здесь представлена как страдание/скорбь. В буддийской традиции все внимание сосредоточено на левой стороне: там разработано соотношение рождения (перерождения) и жизни (*дуккха* — страдание, претерпевание; беспокойная неудовлетворенность в переводе В.Н. Топорова).

В противоположность этому в народных витальных традициях как рождение, так и уход из жизни пронизаны игровой смеховой культурой (Масленица, игра в похороны и т.п.). Представим, что мы в старину подходим к ярмарочному балагану. Мы видим, что зазывала сидит где-то наверху, свесив одну ногу. Этого персонажа зовут «Дед». Почему? Потому что он призывает войти в анти-мир, иное виртуальное измерение. Поэтому дед как бы мертвый. Но одной ногой он делает шаг к живым. Как Будда Майтрея, сидящий в цветке лотоса и спускающий оттуда одну ногу, чтобы идти на помощь к людям¹³. В славянских странах «дедами» называли умерших предков, которые могли появляться среди живых. Надо думать, не случайно у еретиков-богомилы глава их общин назывался «дедом». Напомню, что богомилы появились в Болгарии в IX — X вв. и до XVII в. были широко распространены в Европе и даже в России. Их ересь вос-

ходила к манихейству, где у Вселенной есть не один, а два творца. Богомильские традиции искоренялись церковью вместе со скоморошеством как явления анти-мира.

Но антимир — культура скоморохов и казарменная культура — легко воспринимали богомильский идейный багаж. Надо полагать, что вся словесная и поведенческая символика духов и дедов казармы обязана этому субстрату.

Зато середина цепочки жизнь помыслена как страдание. Это *слезный аспект мира*, который был отмечен, но не разработан М.М. Бахтиным¹⁴ и продолжен в трудах М.К. Мамардашвили¹⁵. Этнографически изученные плачи (причитания девушки, молодухи, похоронные плачи) строят виртуально-бытийную реальность жизни-страдания. В отличие от рождения и смерти эта жизнь лишена *места*: родительского дома, могилы, вещей, т.е. беспокойная неудовлетворенность возникает при угрозе *деонтологизации мира*. Это та самая *экстратопия* (нахождение вне места), о которой говорит Н.А. Носов как о контексте для виртуальных объектов¹⁶.

3. Пример деонтологизированного анти-мира — казарма. Люди, практически лишенные личных вещей, живут в условиях хаоса, но не развивающегося, динамичного, а тупикового. Этот хаос не триллематичен: здесь нет опоры для *априорных пространственно-временных восприятий*, если говорить языком И. Канта. В условиях казармы у человека при наличии двух составляющих сложной системы — энергии и информации — нет третьего компонента, необходимого для обмена с другими сложными системами — вещества (в данном случае *вещности*). Недаром первая ступень в дедовщине называется *духом*. Для армейских органов управления необходимо поставить вопрос о личном имуществе военнослужащего, которое должно быть его собственностью, а также владением. Напомню, что в израильской и в некоторых других армиях военнослужащий уходит в отпуск со своим стрелковым оружием.

4. Можно только условно рассматривать военную службу с ее претерпеваниями в качестве *возрастной инициации*. В архаике прошедший все циклы инициации в обмен на страдание получал *комплекс материальных общинных прав*. Подобная надежда современным обществом вовсе не обес-

печена ни в ходе прохождения армейской службы, ни после нее, что порождает нарочитую вялость, расхлябанность *дедов*, лишенных, как и духи, априорной вещественности. Виртуально-бытийный солдатский анти-мир неофициально признан всеми офицерами, с кем мне приходилось общаться. Из него не следует делать пугало, а стоит спокойно и внимательно в нем разобраться. По поводу истории в начале службы мой сын уже после Афгана как-то сказал, что, наверно, ему не стоило тогда так надеяться на силу его кулаков. Что касается моих внуков, то я много размышляю о том, что им расскажу о неуставных отношениях в армии.

Примечания

- ¹ См.: *Самойлов Л.* Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1.
- ² См.: *Кабо В.Р.* Структура лагеря и архетипы сознания // Там же.
- ³ См.: *Левинтон Г.А.* Насколько «первобытна» уголовная структура? // Советская этнография. 1990. № 2.
- ⁴ См.: *Лесков Н.С.* Соч. в 3-х т. Т. 2. С. 116.
- ⁵ См.: *Щепанская Т.* Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004.
- ⁶ См.: *Тацит П.К.* Анналы. Малые произведения. История. М., 2003. С. 474.
- ⁷ См.: *Иванов В.В.* Системный взгляд на природу «дедовщины» // Социологические исследования. 1995. № 1. С.124.
- ⁸ См. там же. С. 125
- ⁹ См.: *Селина Т.И., Чеснов Я.В.* Обычно-правовое пространство российской крестьянственности (к обоснованию программы системных источниковедческих исследований) // Homo juridicus. Материалы конференции по юридической антропологии. М., 1997; см.: *Селина Т.И., Чеснов Я.В.* Обычное право в менталитете российского крестьянства: истоки плюрализма // Обычное право и правовой плюрализм (Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г., Москва). М., 1999.
- ¹⁰ См.: *Семенов Ю.И.* Табуитет, мораль, обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.
- ¹¹ См.: *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 17–18.
- ¹² См.: *Юрьев Г. П., Н.А. Юрьева, Е.И. Лебедь.* Виртуальная этика здоровья и страданий человека. М., 2004. С. 218 – 242.
- ¹³ См.: *Чеснов Я.В.* Указ соч. Раздел «Шаг Майтрейи и теория жеста». С. 236 – 241.
- ¹⁴ См.: *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 364.
- ¹⁵ См.: *Мамардашвили М.К.* Картезианские размышления. М., 1995. С. 346.
- ¹⁶ См.: *Носов Н.А.* Автобиографическая история виртуалистики // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М., 2007. С. 166. О взглядах Н.А. Носова см.: *Пронин М.А.* Виртуал Николая Носова (Выступление на 1-м заседании семинара РФО «Виртуалистика» 18 янв. 2002 г.) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Проблемы геномики, психологии и виртуалистики. М., 2008.